

*Безъ отдыха дни и недѣли,
Недѣли и дни безъ труда.
На сѣрое небо глядѣли,
Влюблялись. И то не всегда.*

*И только. Но брезжилъ надъ нами
Какой-то божественный свѣтъ,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нѣтъ.*

Георгій Адамовичъ.

I

Говорятъ, тонушій въ послѣднюю минуту забываетъ страхъ, перестаетъ задыхаться. Ему, вдругъ, становится легко, свободно, блаженно. И, теряя сознание, онъ идетъ на дно, улыбаясь.

Къ 1920-му году Петербургъ тонулъ уже почти блаженно.

Голода боялись, пока онъ не установился «всерьезъ и надолго». Тогда его перестали замѣчать. Перестали замѣчать и разстрѣлы.

— Ну, какъ вы дошли вчера, послѣ балета?..

— Ничего, спасибо. Шубы не сняли. Пришлось, впрочемъ, померзнуть съ полчаса на дворѣ. Былъ обыскъ въ восьмомъ номерѣ. Пока не кончили, — не пускали на лѣстницу.

— Взяли кого-нибудь?

— Молодого Перфильева и еще студента какого-то, у нихъ ночевалъ.

— Разстрѣляютъ, должно быть?

— Должно быть...

— А Спесивцева была восхитительна.

— Да, но до Карсавиной ей далеко.

— Ну, Петръ Петровичъ, заходите къ намъ....

Два обывателя встрѣтились, заговорили о житейскихъ мелочахъ, и разошлись. Балетъ... шуба... молодого Перфилье-

ва и еще студента... А у насъ, въ кооперативѣ, выдавали се-
ледку... Разстрѣляютъ, должно быть...

Два гражданина Сѣверной Коммуны мирно бесѣдуютъ объ
обыденномъ.

Гражданина окликаетъ гражданинъ:
Что сегодня, гражданинъ, на обѣдъ?
Прикрѣплялись, гражданинъ, или нѣтъ?..

И не по безсердечію бесѣдуютъ такъ спокойно, а по
привычкѣ.

Да и шансы равны — сегодня студента, завтра васъ.

... Я сегодня, гражданинъ, плохо спалъ —
Душу я на керосинъ промѣнялъ.

Объ этомъ беспокоились еще: какъ-бы не промѣнять ду-
шу «на керосинъ» безъ остатка. И — кто устраивалъ заго-
воры, кто молился, кто шелъ черезъ весь городъ, расползаю-
щійся въ оттепели или обледенѣлый, чтобы увидѣть, какъ подъ
нѣжный громъ музыки, въ лунномъ сіяніи, на фонѣ шелестя-
щихъ, пышныхъ бумажныхъ розъ — выпорхнетъ Жизель, вѣч-
ная любовь, ангелъ во плоти...

Поглядѣть, вздохнуть, потомъ обратно ночью черезъ весь
городъ.

Надъ кострами искры золотятся,
Надъ Невою полыньи дымятся,
И шальная пуля надъ Невою
Ищетъ сердце бѣдное твое...

Ну, можетъ быть, сегодня еще до моего не доберется.
Чего тамъ!

Петербургская Сторона — Плуталова улица. Мѣсто глу-
хое, настолько глухое, что даже милиція сюда не загляды-
ваетъ. Иначе не обнаглѣлъ-бы какой-то проживающій здѣсь
спекулянтъ до того, чтобы прибить у дверей вывѣску о своей

торговлѣ. На вывѣскѣ стоитъ чернымъ по бѣлому: «Здѣсь продаеца собачье мяско».

На Плуталовой живетъ В., занимаетъ комнату съ кухней въ грязномъ шестиэтажномъ домѣ.

В. — бывший писатель. Что-то печаталъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, чѣм-то даже «прошумѣлъ». Теперь пишетъ «для себя», т. е. ничего не пишетъ, дѣлаетъ только видъ.

Въ минуты откровенности — признается: «Плюнулъ на литературу — жить красиво, вотъ главное».

Онъ странный человѣкъ. Писанье его безталанное, но въ немъ самомъ «что-то есть». Огромный ростъ, нестриженная черная борода, разбойничьи глаза на выкатѣ — и медовый монашескій говоръ. Онъ то сидитъ недѣлями въ своей «квартирѣ», обставленной разной рухлядью, считаемой имъ за старину, съ утра до вечера роясь въ книгахъ, то пропадаетъ на мѣсяца, неизвѣстно куда.

— Гдѣ это вы были, В.?

Улыбочка. — Да вотъ, на Афонѣ съѣздилъ...

— Зачѣмъ же вамъ было на Афонѣ?

Та-же улыбочка. — Такъ-съ, надобность вышла. Ничего, славно съѣздилъ. Только, досадно, въ дорогѣ кулекъ у меня украли и съ драгоценными вещами: бутылкой зубровки старорежимной — вотъ-бы васъ угостилъ — и частицами святыхъ мощей...

Черезъ полгода — опять. — Гдѣ пропадали? — Да на Кавказѣ пришлось побывать, въ монастырѣ одномъ...

Вотъ къ этому эстету изъ семинаристовъ, съ наружностью опернаго разбойника, я рѣшилъ пойти переночевать.

Дѣло было такое: я засидѣлся у знакомыхъ на Петербургской сторонѣ (а жилъ въ самомъ концѣ Бассейной). Когда собрался уходить — оказывается, безъ четверти одиннадцать и, если идти домой, обязательно попаду на обходъ и въ участокъ, такъ какъ не только ночного пропуска, но и обыкновенной трудъ-книжки у меня нѣтъ. Ночевка въ милиціи — вещь непріятная, да и вопросъ еще, какъ обернется на утро: мо-

гутъ отпустить, могутъ и отправить въ Чека. Воскликнуть, какъ Мандельштамъ (кстати, смертельно милиціи боявшійся):

Мнѣ ночного пропуска не надо,
Часовыхъ я не боюсь —

было-бы неблагоразумно. У знакомыхъ, гдѣ я засидѣлся, ночевать было негдѣ. Я и вспомнилъ о В., жившемъ неподалеку.

Тяжелого висячаго замка на входной двери не было — значить, дома. Но на стукъ мой никто не отвѣтилъ. Неужели ушелъ? Я постучалъ сильнѣе. Шаги и голосъ В.:

— Что ломишься въ такую рань? Проваливай. До двѣнадцати все-равно не пушу.

Рѣшивъ, что врядъ-ли это ко мнѣ относится, я постучалъ еще и назвалъ себя.

В. сейчасъ-же открылъ. — Голубчикъ! Какими судьбами? Желаете согрѣться? — Онъ пододвинулъ мнѣ рюмку.

Самъ В. уже, повидимому, «согрѣлся» на сонъ грядущій. Воротъ косоворотки разстегнуть, лицо красное, въ глазахъ маслянистый блескъ. Впрочемъ, это было обычное его состояніе — ни пьянъ, ни трезвъ. Вѣчное «навеселѣ».

Узнавъ о моемъ намѣреніи переночевать, В. какъ-то засуетился.

— Да, если вамъ неудобно, вы скажите, я уйду.

— Что вы, что вы, дорогой. Очень удобно, очень пріятно. Только... — Онъ опять забѣгалъ глазами... — Вамъ-то будетъ-ли удобно?

— Обо мнѣ не беспокойтесь.

— Конечно, конечно... Но будетъ-ли вамъ?.. Крѣпко-ли вы спите?

— Очень. Къ тому-же, чрезвычайно усталъ, — цѣлый день на ногахъ, прямо валюсь...

— Вотъ, вотъ... — В., повидимому, обрадовался. — А то ко мнѣ придетъ тутъ... Одинъ книжникъ... Сосѣдъ... Книжки кой-какія разобрать... Такъ я боялся, не помѣшаемъ-ли мы вамъ.

Я успокоилъ В., что никто и ничѣмъ мнѣ не помѣшаетъ.

Несмотря на мои отказы, онъ уложилъ меня на свою кровать, за рваный штофный пологъ.

— Ничего, ничего — тутъ и вамъ будетъ удобнѣе, и мнѣ спокойнѣе. А я на диванчикъ пересплю — прекрасный у меня диванчикъ.

Кровать была широкая и мягкая... В. въ другомъ углу комнаты шуршалъ книгами, позванивалъ ложечкой о стаканъ... Сосѣдъ книжникъ не приходилъ...

... Я проснулся. За занавѣской шелъ тихій разговоръ. Говорилъ больше чужой голосъ, вкрадчивый и скрипучій. В. только изрѣдка вставлялъ что-нибудь.

— Отъ Бога-то вы отвернулись. Отвернулись, ладно, очень хорошо. Но мало отъ Бога отвернуться, мало, друзья. Надо еще передъ Нимъ заслужить. Такъ, думаете, онъ васъ и приметъ сразу, такъ и начнетъ помогать, едва крестъ съ шеи долой...

— Да какъ-же заслужить? Церкви ему строить? Акафисты пѣть?

— И церкви, и акафисты, и въ сердцѣ своемъ его одного имѣть. Главное — въ сердцѣ имѣть. Тогда онъ и поможетъ.

— Что-же тогда будетъ, когда поможетъ?

— Все будетъ, все, слышишь. Булки разныя и ветчина, и шпроты, и бѣлая головка — чего хочешь. И не за деньги, хотя-бы по старой цѣнѣ, а даромъ — бери, что желаешь, ѣшь, что желаешь, пей — все бесплатно на вѣчныя времена, только его въ сердцѣ держи...

Я осторожно приподнялся и заглянулъ въ прорѣху въ пологъ. В. сидѣлъ за круглымъ столомъ. Передъ нимъ, спиной ко мнѣ, какая-то фигура въ полушубкѣ. На черепѣ большая плѣшь, окруженная жидкими свѣтлыми волосами. Поза понурая, шея ушла въ плечи...

... въ сердцѣ держи, да. — Говорившій помолчалъ минуту...

— Ну, такъ вотъ, прежде всего, какъ уговорено — пять тыщъ...

— Уже и пять? Вчера было три!

— Пять тыщъ... — повторилъ старикъ, — меньше никакъ не справиться. Потомъ, вотъ записочку эту возьми, переписать надо, знаешь. Да не на машинкѣ, отъ руки. Потрудись во славу его.

В. сталъ, вздохнувъ, отсчитывать деньги. Старичекъ, аккуратно пересчитавъ, спряталъ.

— Ну, мнѣ пора. Покойнички-то мои, вѣрно, беспокоятъ — двѣ ночи пропадаю. Все дѣла, дѣла...

— И не страшно тебѣ на кладбищѣ?

— Чего-же страшно? Напротивъ — компанія пріятная.

— И не гадко?

— Что-же такое — гадко? Конечно, если кто еще червивый и лѣзетъ къ тебѣ... А которые долго лежатъ, подсохли... Что-же въ немъ гадкаго? Изъ бабъ такія попадаютъ экземпляры...

— Молчи ужъ. Спать потомъ не буду, какъ понараскажешь...

Старичекъ захихикалъ. — Какой слабонервный! А еще министромъ у насъ хочешь быть. Хватить съ тебя и сенатора, когда придетъ наше время, хе... хе... Ну, ничего, главное — помни — его въ сердцѣ держи...

— Г. В., вы спите? — окликнулъ меня хозяинъ, проводивъ гостя.

Я не отозвался. — Спитъ, — пробормоталъ В. Онъ еще долго возился, что-то отпиралъ и запиралъ, звенѣлъ ключами, шуршалъ бумагами, вздыхалъ. Наконецъ, улегся, потушилъ свѣтъ и началъ посапывать. Подъ его посапыванье — заснулъ и я.

Утромъ, когда я уходилъ, В. еще спалъ тяжелымъ и крѣпкимъ сномъ пьяницы.

**
*

«Перепишите и разошлите эту молитву девяти вашимъ знакомымъ. Если не исполните — васъ постигнетъ большое несчастье...»

Дальше шла молитва: «Утренняя Звѣзда, источникъ милости, силы, вѣтра, огня, размноженія, надежды...»

— Странная молитва. Вѣдь, Утренняя Звѣзда — звѣзда Люцифера.

— Странная! Не это-ли велѣлъ В. переписывать его старичекъ, чертопоклонникъ, помнишь, я тебѣ рассказывалъ?

Разговоръ шелъ полгода спустя въ квартирѣ Гумилева, на Преображенской. Сидя у маленькой, круглой печки, Гумилевъ помѣшивалъ уголья игрушечной саблей своего сына.

— Странная молитва! Возможно, что именно В. ее присталъ, разъ онъ, какъ ты говоришь, возится съ чертовщиной. Но глупо, зная меня, посылать мнѣ такія вещи. Какой-бы я былъ православный, если-бы сталъ это переписывать и распространять?

— Глупо вообще разсылать. Кто-же станетъ переписывать?..

— Ну, положимъ, станутъ. Во-первыхъ, большинство и не разберетъ, въ чемъ дѣло, подумаютъ, просто какой-то акафистъ. А кто и разберетъ, все-таки перепишетъ, пожалуй, если суевѣрный человѣкъ. А, вѣдь, большинство скорѣе суевѣрные, чѣмъ вѣрующіе.

— То-есть, изъ боязни, что съ ними случится несчастье, перепишутъ?

— Конечно.

— Какая чушь!

Гумилевъ постучалъ папиросой по своему черепаховому портсигару.

— Не такая чушь, какъ ты думаешь. Эти угрозы, повѣрь, не пустыя слова.

— Тогда тебя должно теперь постигнуть несчастье?

— Должно. Несчастье будетъ на меня за это направлено, я не сомнѣваюсь. Не улыбайся, я говорю совершенно серьезно. Кто-то сознательно послалъ мнѣ вызовъ. Я сознательно, какъ христіанинъ, его принимаю. Я не знаю, откуда произойдетъ нападеніе, какимъ оружіемъ воспользуется противникъ, — но

увѣренъ въ одномъ, мое оружіе, — крестъ и молитва, — сильнѣе. Поэтому я спокоенъ.

— Удивительно. То В. и его старикашка, теперь эта молитва, твой разговоръ. Какой-то пятнадцатый вѣкъ! Никогда не думалъ, что существуетъ что-нибудь подобное.

— А вотъ, — представь, существуетъ. Можно прожить всю жизнь, ничего объ этомъ не зная — и это самое лучшее. Но легко, случайно, какъ ты съ ночевкой, у В., коснуться чего-то, какой-то паутины, протянутой по всему свѣту — и ты уже не свободенъ, попался, надо тебѣ сдѣлать какое-то усилие, чтобы выпутаться. Не сдѣлаешь — можешь пропасть. И, замѣть, — до вечера, проведеннаго у В., жилъ ты и никогда ни съ чѣмъ такимъ не сталкивался. А столкнулся разъ, сейчасъ-же тебѣ попадается и этотъ акафистъ, и нашъ разговоръ, и будетъ непременно еще попадаться. Кто-то тамъ тобой уже интересуется. Можетъ быть, мнѣ и прислали этотъ листокъ только для того, чтобы ты его прочелъ. Или, наоборотъ, — охота идетъ за мной, а ты не при чемъ...

— Ты меня пугаешь, — разсмѣялся я.

— Не пугайся, дорогой, — пугаться никогда не слѣдуетъ. Но и шутить съ этими вещами не слѣдуетъ тоже. Но бросимъ этотъ разговоръ — хватитъ. Пойдемъ, прогуляемся...

**
*

Падаетъ рѣдкій, крупный снѣгъ. Вдоль троттуара бурыя сугробы, подъ ногами грязь...

... Желтый паръ петербургской зимы,
Желтый снѣгъ, облипающій плиты...

Впрочемъ, это уже не зима — середина марта. Еще мерзнуть безъ перчатокъ руки, но дышать уже легко — весна.

Надъ голыми вѣтками «Прудковъ» грузно пролетаетъ ворона. Мальчишки на углу Греческаго торгуютъ папиросами.

— Почему десятокъ? — Триста. — Хватиль!